
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

УДК 392

DOI: 10.31249/hoc/2023.03.14

Закревская Е.А.*

Рецензия на кн.:

***Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения
россиян в годы войны и революции (1914–1918). –
Москва : Новое лит. обозрение, 2020. – 984 с.***

Получена: 03.05.2023

Принята к печати: 02.06.2023

Для цитирования: Закревская Е.А. [рец.] // Вестник культурологии. – 2023. – № 3(106). – С. 223–230. – Рецензия на книгу: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). – Москва : Новое лит. обозрение, 2020. – 984 с. – DOI: 10.31249/hoc/2023.03.14

* *Закревская Екатерина Алексеевна* – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, аспирантка Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; eazakrevskaya@gmail.com

Zakrevskaya Ekaterina Alekseevna – Junior Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, post-graduate student of the Centre of Typological and Semiotic Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; eazakrevskaya@gmail.com

Zakrevskaya E.A.

Book review:

Aksyonov V.B. Rumors, images, emotions. Crowd attitudes in Russia during the War and Revolution (1914–1918). –

Moscow : Novoe lit. obozrenie, 2020. – 984 p.

Resieved: 03.05.2023

Accepted: 02.06.2023

For quoting: Zakrevskaya E.A. [review] // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 3(106). – P. 223–230 – Book review: Aksenov V.B. Rumors, images, emotions: mass moods of Russians during the war and Revolution (1914–1918). – Moscow : Novoe lit. obozrenie. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.14

В 2020 г. свет увидела монография Владислава Аксенова «Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)». Аксенов – известный специалист по социальной истории и эксперт в вопросах, связанных с общественным мнением и настроениями в начале XX в. Его кандидатская диссертация была посвящена теме повседневной жизни революционных Москвы и Петрограда, а докторская – общественным настроениям в годы Первой мировой войны и революции. «Слухи, образы, эмоции...» – не единственный его труд на эту тему. В 2023 г. он выпустил новую монографию, которая называется «Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи». Однако темы, затронутые в новой работе, Аксенов поднимал и в «Слухах...» – там взаимосвязи пропаганды и общественного мнения уделена отдельная глава.

Монография получилась достаточно объемной – со всеми указателями и приложениями она занимает 985 страниц. Учитывая, какой широкий круг вопросов охватывает автор, такой объем кажется более чем оправданным. Речь идет о множестве факторов, которые определяли изменения общественного мнения, – это пропаганда, государственная политика, успехи или неудачи на фронте, мистические настроения интеллигенции, фольклор и городские легенды, актуальные события в сфере искусства и т.д. Кроме того, он не рассматривает эти факторы изолированно друг от друга, а выстраивает, где это воз-

можно, хронологию развития событий: так, первые главы книги повествуют о настроениях накануне Первой мировой войны, а последние – о революции.

Книга состоит из семи глав. Во введении автор проясняет методы работы и очерчивает круг источников. Первая глава («Идея. “Патриотические” настроения 1915 г.: историографические стереотипы и их критика») посвящена дискуссиям вокруг феномена патриотических настроений. Аксенов рассматривает не только представления о патриотических настроениях современников войны (к примеру, концепцию революционной ситуации Ленина), но и наработки современных историков – здесь он привлекает западную историографию, в которой феномен патриотических настроений хорошо описан на примере европейских стран – участниц Первой мировой войны. При помощи этих концепций он анализирует собранные материалы – письма, тексты публичных выступлений и дебатов, дневниковые записи.

Во второй главе («Действо. Мобилизация общества в гендерно-возрастном измерении: от манифестаций взрослых к детскому протесту») Аксенов описывает влияние, которое на общественные настроения оказали начало войны и массовая мобилизация. Мобилизация оказалась провальной – и против нее протестовали не только подлежащие ей мужчины. Речь в главе идет, в том числе, и о феномене женских бунтов и протестов, и о травматическом влиянии, которое мобилизация оказала на детскую психику наиболее юных очевидцев. Источниками здесь выступают как описания народных выступлений, так и тексты, повествующие о чувствах и оценках современников – дневники и письма.

В третьей главе («Слово. Устная деревенская культура и война») автор показывает специфику восприятия войны и революции крестьянами. Четвертая глава («Текст. Письменная городская культура и иррационализация сознания обывателей») описывает настроения горожан. Об этих главах речь пойдет далее.

Пятая глава («Образ. Визуальное пространство Первой мировой войны») посвящена тому, как война и политический кризис отражались в искусстве. Источниками здесь выступают работы, принадлежащие к различным авторам и направлениям – от карикатур и плакатов до картин первых авангардистов. Настроения художников разни-

лись: лубки и открытки в это время выражали патриотические настроения, а журнальная карикатура критиковала государственную политику и обличала происходящие в обществе перемены.

В шестой главе, которая называется «Символ. Православие – самодержавие – народность: дискредитация и инверсия патриотических смыслов», речь идет о десакрализации патриотических символов – к примеру, церкви, духовенства, императорской семьи. Кроме того, Аксенов показывает, что отношение к солдатам и сестрам милосердия, которых в начале войны народ воспринимал исключительно положительно, изменилось в худшую сторону. В последней, седьмой главе («Эмоция. Психологическое измерение российской революции») речь идет о причинах резкого всплеска неврозов во время революции. В качестве одной из таких причин назван информационный кризис: из-за невозможности получать достоверную информацию о происходящем граждане прибегали к конспирологии, городским легендам и слухам, в которых описывались потенциально опасные и пугающие варианты будущего. Другая причина – резкие политические изменения, перестроившие весь уклад жизни россиян.

Таким образом, монография представляет собой всесторонний анализ общественных настроений в 1914–1918 гг. При освещении этого материала Аксенов прибегает в основном к наработкам исследований повседневности и исследований эмоций, однако иногда обращается и к аналитическому инструментарию социологии и психологии, а также семиотики и фольклористики. На том, как автор применяет фольклористические концепции, мне хотелось бы остановиться отдельно.

Речь пойдет о третьей и четвертой главах монографии. Третья глава описывает специфику крестьянского восприятия войны и революции. На материале уголовных дел об оскорблении представителей власти автор реконструирует настроения крестьян – содержательно такие дела нередко состояли из конспирологических фольклорных нарративов (например, рассказов о том, что вдовствующая императрица Мария Федоровна осуществляет шпионаж в пользу Германии) и нечетко артикулированных, но политических по своей природе требований (отдать землю крестьянам, осуществить ее передел и т.д.). Оскорбления императора, которого крестьяне называли дураком, грабителем, изменником или антихристом, также дают представление об

их ценностях и настроениях. Интересно и наблюдение о том, что содержательно корпус слухов, которые были в ходу у городских и сельских жителей, отличался – к примеру, среди крестьян почти не бытовали рассказы о Григории Распутине, а в шпионаже они подозревали мать императора, в то время как горожане – жену.

Однако некоторые авторские тезисы кажутся мне сомнительными: так, Аксенов предлагает реконструировать «сказку о царе и мировой войне», которая, по его мнению, существовала в «крестьянском мифологическом дискурсе». В качестве доказательства существования этого «мифологического дискурса» он приводит ряд крестьянских рассказов – в том числе о царской семье и императоре, – построенных по модели сказок или включающих в себя «сказочные» клише. Однако это наблюдение лишь подтверждает одну из основных посылок структурной фольклористики – устные нарративы «собираются» рассказчиками из существующих в традиции смысловых блоков в момент повествования¹. То, что крестьяне оформляли свои рассказы известным им из культуры образом, не свидетельствует о существовании мифологического «прототекста», который «распался» на короткие истории. Попытка «реконструкции» этого текста – это произвольная компиляция отдельных фабулатов. Осуществляя ее, автор ссылается на методологию В.Я. Проппа, однако на деле его задумка больше напоминает вольную литературную обработку фольклорных нарративов, которую практиковали фольклористы XIX в.² «Сказка о царе и мировой войне» «начинается» со слуха о том, что война случилась из-за того, что министры поехали в Европу на переговоры – это как будто бы делает их пропповскими «ложными героями». Сам Николай II представляется автору сказочным дураком-трикстером на основании того, что крестья-

¹ Механика этого процесса описана на примере эпических сказаний. См.: [Лорд, 1994].

² Фольклористы эпохи романтизма верили, что современный им фольклор восходит к неким древним мифам, которые нужно восстановить. Так появился феномен «кабинетной мифологии» – исследователи и собиратели структурировали реальные фольклорные тексты особым образом и дополняли их согласно своим представлениям о «первоначальной», древней мифологии. Широко известный пример текста, появившегося в результате компиляции и литературной обработки, – «Калевала». Она состоит из реально существовавших текстов карело-финского фольклора, которые Элиас Леннорт соединил в единое эпическое сказание.

яне в материалах уголовных дел нередко называли его дураком, а на месте отсутствующего в «повествовании» протагониста, по мнению Аксенова, находится народ. Эта полученная искусственным путем компиляция вряд ли несет какую-то аналитическую ценность, но исходные тексты, из которых она состоит, представляют большой интерес для исследователей и могут и должны быть проанализированы так, как они бытовали в реальности – отдельно друг от друга. К сожалению, сами тексты Аксенов приводит не всегда: куда чаще он пересказывает слухи своими словами.

В четвертой главе также есть ряд интересных наблюдений: так, Аксенов отмечает, что к моменту начала войны «городские» слухи были по большей части секулярными – они представляли собой конспирологические рассказы о шпионах, членах императорской семьи или Распутине, а также антисемитские и германофобские рассказы. Но чем дольше шла война и чем сильнее становился политический кризис, тем больше в городскую среду проникали мистические темы – горожане вслед за сельскими жителями начали ожидать Апокалипсис, и видели его признаки в новых технологиях, природных явлениях или действиях публичных личностей. Вероятно, для Аксенова представляется важным разделение на мистическую устную культуру и секулярную городскую, но сложно не заметить, что приведенные в третьей и четвертой главах корпусы текстов отличаются только некоторыми деталями. На деле четкой границы между традиционной и современной культурой не существует, а фольклорные представления есть не только у сельских жителей, но и у горожан.

Автор провел важную работу, не просто собрав слухи, но и реконструировав ситуации их появления и распространения – к примеру, интересно наблюдение о том, что количество конспирологических нарративов возросло после того, как в газетах перестали публиковать стенограммы заседаний Государственной думы. В результате их заменили поддельные стенограммы, авторы которых многое добавляли от себя. Для анализа данных, полученных в результате этой реконструкции, можно обратиться к концепциям, которые используют фольклористы. К примеру, описанные Аксеновым слухи о погромах, которые становясь своеобразным «руководством к действию», провоцировали погромы в других городах, можно интерпретировать как остенсивное действие; ситуация же, когда под влиянием слухов о засилье россий-

ских немцев в экономике в Государственной думе была создана комиссия для решения этого вопроса, может быть объяснена квазиостенсией¹. Слухи о невероятной жестокости немецких солдат, которые на оккупированных территориях якобы отрезали руки детям или насиловали младенцев, можно объяснить теорией эмоционального отбора – лучше всего запоминаются и передаются нарративы, которые вызывают у слушателя сильные эмоции².

Тем не менее монография полно отображает картину общественного мнения, а широкий спектр используемых автором методов соответствует тенденциям современной постмодернистской историографии – книга не столько отвечает на вопрос о том, что случилось, сколько описывает, как это произошло, как было воспринято современниками и что для них значило. Привлеченные автором источники представляют интерес для историков, социологов, психологов, фольклористов, социальных антропологов, культурологов и других гуманитарных исследователей.

Список литературы

Лорд А. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера, Г.А. Левинтона. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 368 с.

Heath C., Bell C., Sternberg E. Emotional selection in memes: The case of urban legends // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2001. – N 81(6). – P. 1028–1041.

Degh L., Vazsonyi A. Does the word «Dog» bite? Ostensive action: A means of legend // *Journal of Folklore Research*. – 1983. – № 20(1). – P. 5–34.

¹ Эти термины введены фольклористами Линдой Дэг и Эндрю Важони, которые исследовали влияние слухов и городских легенд на поведение людей. Остенсия – это ситуация, когда люди воспроизводят слух своими действиями – именно этим Аксенов объясняет рост числа погромов. Псевдоостенсия и квазиостенсия – это более «мягкие» формы остенсии, при которой люди каким-либо образом изменяют свое поведение из-за того, что воспринимают слухи как достоверную информацию [Degh, Vazsonyi, 1983]

² Теория эмоционального отбора состоит в том, что для того, чтобы удержаться в традиции, устные нарративы видоизменяются таким образом, чтобы вызывать у слушателей сильные эмоции – к примеру, отвращение [Heath, Bell, Sternberg, 2001]. В рассказах о военных конфликтах этот механизм зачастую проявляется в виде описаний нереалистичной и бессмысленной жестокости.

References

Lord, A. *Skazitel'* / per. s angl. i komment. Yu.A. Kleĭnera i G.A. Levintona [The Singer of Tales, translated from English and commented by Yu.A. Kleiner and G.A. Levin-ton]. Moscow, Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura», Russian Academy of Sciences Publ., 1994. 368 p. (In Russ.)

Heath, C., Bell, C., Sternberg, E. Emotional selection in memes: the case of urban legends. In *Journal of Personality and Social Psychology*, no 81 (6), 2001, pp. 1028–1041.

Degh, L., Vazsonyi, A. Does the word «Dog» bite? Ostensive action: A means of legend. In *Journal of Folklore Research*, no 20 (1), 1983, pp. 5–34.